

350040

ИХЛ

СЕРИЯ
ДЛЯ ГРОМКОЙ
ЧИТКИ

Е. Габрилович

ШАХТЁРЫ

ГАЗЕТНО-КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ОБКОМА ВКП(б)
САРАТОВ

1943

Товарищ!

Прочитай эту книжку вслух у себя на заводе или в колхозе, госпитале, школе, домохозяйкам.

После читки проведи беседу о патриотизме и мужестве советских людей.

ШАХТЁРЫ

Всю свою жизнь — 56 лет без малого — провела Анна Власьевна Корчева в этом небольшом шахтёрском городке. Восемнадцать лет вышла замуж за шахтёра. В 1912 году, когда сыну Степану минуло семь лет, муж застудился на шахте и слёг. После смерти мужа Анна Власьевна пошла на работу в шахту. Сначала работала на шахтном дворе, потом по уборке конторы, потом откатчицей, а потом сделала её кладовщиком. И не было аккуратней и лучше её кладовщика, ни один мужчина не мог с ней сравняться. Так она и проработала в шахте кладовщиком двадцать лет, до самой войны. Уже при советской власти много раз её премировали, посылали на курорт. Всё, что она зарабатывала, шло на сына: его она одевала в лучшее, кормила лучшим, покупала ему книги, игрушки.

Стёпа рос молодцом. Всю силу самоотверженной горячей любви, которая жила в её тихом, бесхитростном сердце, отдала Анна Власьевна сыну. Когда он заболел, она бывала сама не своя. Она звала к нему лучших докторов. Каждый вечер, укладывая Стёпу спать, она рассказывала ему старинные сказки, которые слышала в детстве ещё от своей бабушки. И эти минуты, когда она сидела у постели засыпающего сына и говорила негромкие, таинственные слова, были самыми сладкими в её жизни.

Сын вырос, ушёл в армию, она осталась одна. Стёпу взяли в лётную школу. Сначала он писал матери часто,

потом стал писать реже. А она всё думала о нём и беспокоилась и выпрашивала у людей, как живётся в лётной школе и опасно ли быть лётчиком, и посылала сыну посылки — эти полукрестьянские, полугородские дары, где рукавицы и вышитые носовые платки помещались рядом с банками масла и гранёными, завязанными стаканами варенья. Фотографию сына в форме курсанта она повесила на левой стене избы, недалеко от икон, рядом с фотографиями покойного мужа и своей собственной, снятыми в год свадьбы.

Скучно ей стало без сына. Её сердцу томительно было жить без существа, о котором надо было заботиться. Она взяла себе на воспитание трёхлетнего Мишу, сына умершей двоюродной сестры, и ему теперь покупала игрушки и книжки и ему рассказывала сказки по вечерам. Миша, не помнивший ни отца, ни матери, звал её мамой.

Годы шли. Анну Власьевну, бессменного шахтинского кладовщика в течение стольких лет, стали выдвигать по общественной линии. Сначала выбрали её в кассу взаимопомощи, потом в шахтком. А потом выдвинули её кандидатуру в горсовет. Став членом горсовета, она работала в секции здравоохранения.

Она получила еще несколько фотографий сына. Сначала его лицо было юным, безусым, потом появились усы, плечи стали шире, взгляд твёрже, количество квадратиков на петлицах увеличивалось. Шёл 1941 год. Подрос и воспитанник Миша. К началу войны ему минуло 14 лет.

Вспыхнула война, напряжение работ на шахтах увеличилось. Мужчины-кладовщики ушли на фронт, не раз выстаивала Власьевна по две, а то и по три смены. Письма от сына стали совсем редки. Он дрался где-то на фронте — где, она не знала. Был ранен. Получив это известие, Власьевна потеряла сон. Ночи напролёт ворочалась на кровати, вздыхая и крестясь. У неё теплилась надежда, что после выздоровления Стёпа придет навестить её. Но сын не приехал: не такое было

350 040

3

Г 1222

время, враг наступал. Из госпиталя Стёпа снова уехал на фронт.

Немцы подходили к городку, где всю жизнь прожила Власьева. Началась эвакуация. Шахтное оборудование отправлялось в тыл на новое место работы. Уходили эшелоны с рабочими. Приготовилась уехать и Власьева с Мишей. В первый раз за столько лет вещи её покидали свои привычные места. Их увязывали в узлы, упаковывали в ящики. В ночь того дня, когда Власьева должна была сесть в поезд, немецкие танки обошли городок. Пути к отъезду оказались отрезанными. На рассвете Власьева услышала разрывы снарядов на улицах: начался обстрел городка. Двое суток просидела Власьева с Мишей в саду, в бомбоубежище, а когда стрельба стихла, оказалось, что в городе немцы.

Через неделю к Власьевне пришёл полицейский и принёс ей повестку с приказом явиться в гестапо. Она попрощалась с рыдающим Мишей, взяла свёрточек с хлебом, смену белья, перекрестилась и пошла. Немецкий офицер через переводчика спрашивал её о сыне Степане. Потом перешли к горсоветским делам. На вопрос о том, где находятся руководители горсовета, Власьева отвечала, что не знает. Не имеет ли она связи с партизанами? Нет, не имеет. Не коммунистка? Нет. Русская? Да.

Так допрашивали её неделю, каждый день по два, а то и по три раза. Наконец, отпустили, сказав, что, если будет замечено, что она сносится с руководителями горсовета или с партизанами, то ждёт её лютая казнь.

Прошло ещё некоторое время. Однажды ночью Анна Власьева услышала лёгкое царапанье в окно. Ночь была глухая и темная. Власьева, приложившись лбом к окну, не увидела ничего. Она спросила:

— Кто там?

Ей ответили:

— Пусти, хозяйка.

Она открыла дверь. В дом вошёл человек в штатском пальто, в кепке.

— Сразу признала?

Нет, она признала его не сразу, а только сейчас. Это был секретарь горсовета Медведев, исчезнувший из города одновременно с приходом немцев. Он сказал без обиняков:

— Вот что, за мной немцы гоняются. Можно у тебя переночевать?

— Конечно, — захлопотала Власьевна. — Да как же иначе!

Он переночевал и ушел. И с тех пор стал заходить, а потом начал встречаться здесь с товарищами, они что-то обсуждали, скорили, горячились. Мало-помалу дом Власьевны стал явочной городской квартирой партизан. Власьевна знала об этом и, когда Медведев говорил, что плохо ей будет, если нагрянет гестапо, отвечала:

— Плохо, конечно. Да как же иначе, милый ты мой!

В квартире Анны Власьевны и собрались партизаны в ночь перед нападением на дом немецкого коменданта. Рано утром ушли. Вместе с ними исчез и Миша. Власьевна хватилась его часов в десять, когда раздался в городе грохот взрыва и люди стали передавать друг другу шёпотом, что взорван дом коменданта-немца. Впоследствии оказалось, что Миша втайне от Власьевны уговорил партизан взять его на это дело.

Весь день Анна Власьевна с нетерпением и тревогой ждала Мишу и не могла понять, где он запропастился. А в сумерки её арестовали. Препроводили под землю, в шахту, где гестапо устроило свою тюрьму.

Это была страшная тюрьма. Воду из шахты откачивали редко, и заключённые стояли по колена в воде. От сырости руки и ноги опухали. Раслухшие пальцы не двигались. Люди спали сидя, прикорнувшись на узких, возвышающихся над водой нарах. Арестованных водили на допрос.

Настала очередь Власьевны. Её привели в камеру, показали ей арестованного Медведева и спросили её,

встречала ли она его после оккупации города немцами.

— Нет, — ответила она.

— Кого из друзей Медведева знаешь?

— Никого.

— С кем Медведев встречался до войны?

— Не знаю.

Тогда ей сказали, что её приёмный сын Миша арестован и ему будет плохо, если она не даст показаний. Она промолчала.

С неё сорвали кофту и дали двадцать ударов палкой по старческой спине. Потом замертво выволокли и бросили в одиночную земляную яму. С тех пор каждый день её избивали, но избитая, голодная, со страшно опухшими ревматическими руками и ногами, она молчала.

Однажды утром её вывели из шахты и вместе с несколькими другими заключёнными препроводили на городскую площадь. Она увидела на площади виселицу, копошившихся возле верёвок немецких солдат, подумала, что пришёл её час. Но оказалось, что вместе с другими заключёнными она присутствует на площади как зритель.

Подъехал автобус и из него под конвоем вышли трое: Медведев, старик-кузнец, который не раз бывал у Власьевны вместе с другими партизанами, и ещё один, бледный, совсем молоденький паренёк. Что-то знакомое было в его лице и хрупкой фигурке, но Власьевна, хотя тут же сердцем поняла, кто он, всё же смотрела и смотрела на него, не смея верить своему сердцу. Вдруг она вскрикнула и упала без памяти: да, это был Миша. Её облили холодной водой и, только когда она пришла в себя, повели Мишу на виселицу. Она увидела его стоящим на помосте с петлей на шее, бледного, с худенькой отроческой грудью, в коротком разорванном пиджаке. Она увидела его, своего Мишу, под виселицей, Мишу, которого она вспоила, вскормила, вырастила, которого помнила ещё в детской кроватке, и распухшие её

пальцы сжались в кулак, и глухой голос раздался в тишине:

— Будьте вы прокляты. Чтоб вы погибли! Чума на вас, звери!

Её сбили с ног, она опять потеряла сознание, и это спасло её от зрелища казни приёмного сына. После этого в течение многих дней её снова допрашивали. Гестаповцам казалось, что после такого урока она станет покладистой и назовёт имена остальных участников налёта на комендатуру. Из всех участников налёта гестаповцам удалось схватить только трёх. Но она не проронила ни слова. Тогда пришел и её час.

Её повесили на той же площади. Её казнь видели другие заключённые, которых привезли из шахты для «воспитательных целей». Взойдя на помост под виселицу, она низко поклонилась, перекрестилась и громко сказала:

— Прощайте, русские люди!

Палач ударил её кулаком в рот, и окровавленным ртом она опять произнесла громко и внятно:

— Сын Стёпа!

Никто не ответил ей, но она продолжала, будто действительно говорила с сыном:

— Степан, отплати им за всех!

Помолчала и громко закончила:

— За каждую нашу кровинку!

Палач выбил доску из-под её ног. Петля захлестнула её слабую, старую, жилистую шею.

...Когда наши войска освободили этот горняцкий посёлок от немцев, трупы жертв фашистского изуверства, извлечённые из шахт, вырытые из противотанковых рвов, были с почестями похоронены на центральной площади. Над могилами возвели обелиск с фамилиями замученных. Есть на обелиске и фамилии Власьевны и Медведева, и старика-кузнеца, и Миши.

В городок приехал на машине полковник авиации. Подойдя к обелиску, он опустился перед ним на колени. Осеннее солнце играло острыми бликами на орденах,

покрывавших правую и левую стороны его груди. Он не замечал ни жары, ни пыли, ни времени.

Это был сын Власьевны, Степан—тот, к кому были обращены её последние слова, с кем последним, незримым она говорила в страшный час своей смерти. В гор-совете ему рассказали всё, как случилось. Он слушал молча. Потом так же молча, как слушал, как стоял передobeliskом, пошёл по пореулкам к домику матери. Дом сохранился, никто не жил в нём со дня смерти Власьевны. Дверь открыли, полковник вошёл.

Знакомый запах, чуть выветрившийся, но всё ещё сильный — запах материнского дома — охватил его. Всё так же стоял знакомый семейный обеденный стол, знакомые фотографии висели в углу и среди них находилась фотография его, Стёпы, в тринадцать лет: в косо-воротке, в смешной кургузой кепке.

Полковник опустился из стул возле стола. Вошёл адъютант и остановился в изумлении, увидев плачущим знаменитого командира гвардейской воздушной дивизии. Полковник поднялся и вышел из дома. Вскоре он покинул город. Машина быстро бежала по дороге. Полковник молчал. Он думал о своём. Он вспоминалobelisk над могилой матери, тёмные комнаты дома, где она прожила всю свою жизнь. Да, он бил немцев в воздухе, бил их всюду, где только встречал. Он метил им, не зная о мести, завещанной ему матерью перед смертью. Какой же великой яростной силы должны были достигнуть его удары теперь, когда он узнал про слова, сказанные ему матерью в тот чудовищный миг, когда петля захлёстывала её шею!

Е. ГАБРИЛОВИЧ

Отв. за выпуск Н. Богданова.

Корректор Н. Пржевальская.

НГ24266 28-IX 1943 г. Тираж 50.000. Цена 5 коп. Заказ № 4961.

Саратов. Типография газетно-журнального издательства Обкома ВКП[б].

357040

